

Цзи Ло тщательно скрывал всё, что творилось у него на душе, — лицо оставалось непроницаемым. Бай Вэньхань с Бай Шу испытывали к Бай Энью застарелую неприязнь: стоило произнести это имя, как в памяти тут же всплывала Госпожа Ван. Хан Сиэнь, обронив ту единственную фразу, больше не вспоминал о Бай Эне ни словом.

Четверо сидели в тягостном молчании, и никто не решался нарушить его.

К счастью, благоприятный час для церемонии совершеннолетия Хан Минчжу наступил быстро. Чудесная Супруга уездного князя Юна выступила почётной гостьей, а Окружная княжна Аньнин — дочь Принцессы Чжаохуа — стала помощницей церемонии.

Хан Чжо при всех смотрел на дочь, и голос его дрогнул — слова с трудом шли с языка. Долго совладав с собой, он наконец произнёс всё, что хотел сказать: о том, как не выполнял в прошлом свой отцовский долг, и о том, чего желает дочери впредь.

Сцена вышла трогательной до слёз. Хан Минчжу расплакалась прямо на церемонии, и никто из гостей не остался равнодушным к отцовской любви Хан Чжо.

Давние толки о герцогском поместье Хань сами собой развеялись в воздухе.

Словом, торжество удалось на славу. Ослепительная и исполненная достоинства Хан Минчжу в этот день снискала себе в столице такую добрую славу, какой у неё ещё не было со дня возвращения.

Хан Сиэнь терпеть не мог подобной суеты. Дождавшись конца церемонии, он сослался на недомогание и ушёл.

Вернувшись к себе в Дворик Душистых Орхидей, он пробыл там совсем недолго, когда со стены лихо спрыгнул Бай Шу. По всем правилам приличия почётный гость должен был явиться через парадный вход — но Бай Шу привык навещать Хан Сиэня именно так, и нынешний день не стал исключением.

Хан Сиэнь давно свyksя с его внезапными появлениями и бровью не повёл. Служанки — Би Хуа и остальные — вздрогнули от неожиданности, но, увидев, что хозяин спокоен, взяли себя в руки и приняли невозмутимый вид.

Бай Шу сам подсел к Хан Сиэню напротив. Пухлощёкое детское лицо его приняло непривычно серьёзное выражение — он явно старался выглядеть степенно, но от этих усилий становился только трогательнее.

Болтать он, против обыкновения, не спешил. Хан Сиэнь, несколько не смущённый тишиной, велел Би Хуа принести чай и отпустил её. Лишь осушив пару чашек, он взглянул на гостя:

— Ты пришёл по делу?

Едва Хан Сиэнь задал вопрос, как услышал то, что вертелось в голове у Бай Шу, — и на миг растерялся.

Поначалу в мыслях того царила полная тишина. Хан Сиэнь ожидал, что речь зайдёт о Бай Эне, — но оказалось, что Бай Шу о брате вовсе не думал. Всё это время он беспокоился о самом Хан Сиэне.

Бай Шу, разумеется, ничего не знал о смятении хозяина. Услышав вопрос, он поджал губы и произнёс:

— Ты с сестрой двойняшки. Как же твой день рождения будет отмечаться?

Всё это время он думал об одном: среди гостей, похоже, никто и не вспомнил о Хан Сиэне. Не будет ли тому обидно?

— Я люблю тишину, — ровно ответил Хан Сиэнь. — Суэта мне не по душе. День рождения для меня ничего не значит.

В прошлой жизни дату его рождения придумал директор приюта — просто отсчитал от дня, когда мальчика туда принесли. Он никогда не любил этот день. А настоящий день рождения Хан Сиэня — того, кем он теперь был, — не имел к нему отношения.

Убедившись, что слова сказаны от чистого сердца, Бай Шу расслабился. Он улыбнулся Хан Сиэню и с удовольствием занялся чаем.

Хан Сиэнь смотрел на него вскользь. Детское лицо ещё не успело оформиться, зато глаза были живыми и выразительными — и при этом такими доверчивыми, что сразу становилось понятно, почему Бай Вэньхань держит его в таком ежовье. Высокие боевые способности при слабом чутье на людей — с таким человеком и впрямь ухо надо держать востро.

В конце концов за Бай Шу явился сам Бай Вэньхань и увёл его. Не будь этого, тот просидел бы в дворике до вечера — хотя молчать весь день, как Хан Сиэнь, ему было не под силу.

Когда в их разговоре возникали паузы, Бай Шу начинал нервничать и пускался осматриваться. Он то взваливал на голову тяжеленную кадку с водой и переставлял её на новое место, то перетаскивал огромные камни, мешавшие проходу.

Поначалу, принявшись двигать всё, что казалось ему лишним в Дворике Душистых Орхидей, он беспокоился, не рассердит ли хозяина. Убедившись, что тот молчит без раздражения, Бай Шу с удовольствием перебрался к маленькой кухне и накололи там дров.

Стоило ему взмахнуть рукой — воздух рассекало быстрее любого топора. Би Хуа, заведовавшая кухней, едва не лишилась дара речи.

По платью гостя было ясно, что родом он из знатной семьи. Видя, что Бай Шу колет дрова с искренним удовольствием, Би Хуа всё же забеспокоилась — как бы он не устал, как бы не обиделся — и осторожно спросила у Хан Сиэня, не предложить ли гостю отдохнуть.

Тот помолчал и сказал:

— Пусть делает что хочет.

Бай Шу, у которого слух был тонким, как у всех бойцов, расслышал эти слова — и стал орудовать с ещё большим воодушевлением.

Когда Бай Вэньхань наконец явился и уволок брата за шиворот, провожая взглядом Бай Шу, понуро плетущегося следом, он думал примерно следующее: этот дурачок попросту угорел по красивой мордашке. Не пускать его к Хан Сиэню — было бы разумно. Но где ещё найти человека с такой же «красивой мордашкой», с которым Бай Шу не прочь проводить время?

При этой мысли у Бай Вэньханя заныло в висках.

После церемонии совершеннолетия жизнь в поместье Хань вошла в прежнюю колею. Правда, из немало знатных семей начали наведываться с прощупывающими расспросами о возможном замужестве Хан Минчжу — но Госпожа Лю всех неизменно отваживала, ссылаясь на то, что дело о браке находится в руках самой Императрицы. Постепенно слух о том, что поместье Хань тут не вольно, разошёлся сам собой, и любопытные гости наведываться перестали.

Хан Минчжу несколько не тревожилась из-за подвисшего вопроса о замужестве. Она сдружилась со своей помощницей по церемонии — Окружной княжной Аньнин — и теперь частенько получала от неё приглашения. Благодаря этой связи она быстро вошла в круг знатных девиц столицы.

В поместье Хань Хан Цинъюань стала заметно чаще общаться с Хан Минчжу — казалось, они и впрямь движутся к настоящей сестринской близости.

Однажды Хан Минчжу столкнулась в персиковой роще с Хэ Юйчжу. Та, не сдержавшись, обрушилась на неё с упрёками: во всех своих злоключениях она винила Хан Сиэня. Вокруг не было ни единой лишней души, и Хан Минчжу ей не уступила — спокойно изложила, как всё было на самом деле.

Смысл её слов сводился к следующему: Хан Сиэнь ни в чём не виноват; виновна её мать и ещё

кое-кто — тот, кто мог бы взять вину на себя, да не захотел. Имени она не назвала. Но слова попали в цель: в душе Хэ Юйчжу и прежде сидела заноза недовольства Хан Сю, а теперь она вошла ещё глубже.

На прощание Хан Минчжу великодушно протянула ей флакончик с целебной мазью, привезённой с Заставы Небесных Врат, — для кожи, дескать, превосходно помогает. Хочет — пусть берёт, нет — её дело.

Хэ Юйчжу поначалу и брать не думала — но, уловив знакомый запах лекарственных трав, сама не заметила, как взяла флакончик. Дома она намазала мазью опухшее лицо своей служанке, которую успела поколотить, — и уже к утру следствие было почти незаметно.

С угрюмым видом Хэ Юйчжу применила мазь и на себе. А среди прислуги тем временем разошлась молва: Хан Минчжу — добросердечная, великодушная, обходительная барышня. Ничуть не чета Хан Сиэню.

Конечно, часть слуг думала именно так и без подсказок. Но большинство подпитывалось слухами, пущенными чьей-то умелой рукой, — чтобы вбить клин между Хан Сиэнем и Хан Минчжу.

Ло Ся доложила хозяину обо всей этой путанице. Она не знала, захочет ли он поссориться с Хан Минчжу из-за этого, — но и делать вид, что ничего не слышала, не могла.

Её господин — Хан Сиэнь, не Хан Минчжу. Составлять суждение о людях — не её дело.

Услышав её мысли, Хан Сиэнь остался своими служанками вполне доволен. Больших надежд он на них не возлагал никогда — но умные люди всегда радуют. Тем более что к этим девушкам он успел привыкнуть и менять их не хотел.

В знак благодарности он прибавил каждой по лану к ежемесячному жалованью. Ань Цао пришёл в совершеннейший восторг: откладывал да откладывал, а через пару лет, глядишь, и на невесту накопится.

Однако спокойная жизнь в поместье Хань была нарушена.

Примерно через месяц после церемонии совершеннолетия Хан Минчжу Император получил доклад, доставленный окольными путями уездным судьёй Минъань Син Цзюньжанем. В докладе сообщалось: дамба Пухэ в Лянцзяне прорвана, затоплены округа, города, деревни — счёт идёт на сотни. Местные чиновники поначалу пытались скрыть произошедшее, однако воды пришли слишком стремительно и жертв оказалось слишком много. Теперь ещё и мор начался. По всему Цзяннаню — растерянность и ужас, улицы пусты. Уездный судья просил Государя покарать виновных.

Едва доклад Син Цзюньжэня дошёл до трона, как следом, с разницей в одну курительную палочку, прибыл доклад от Генерал-губернатора Лянцзяна Чжоу Маань. Тот в выражениях не стеснялся — слёзы лились прямо на бумагу. Местные чиновники, страшась за свои заслуги, скрывали правду. Когда это дошло до него, Чжоу Маань распорядился взять всё зерно и муку из собственного дома и развернуть полевые кухни прямо на месте бедствия, приказал арестовать виновных в сокрытии, а заодно и торговцев, набивавших закрома в ожидании наживы, — ждут высочайшего суда. Генерал-губернатор просил Государя немедленно направить в Цзяннань чрезвычайного уполномоченного и не откладывать выделения средств на борьбу со стихией.

Прочитав доклады, Император едва не задохнулся. Он шваркнул бумаги об пол тронного зала и прорычал:

— После всего этого — рыдать? И ещё деньги просить? Думают, Мы шутики шутим?!

Помощник Министра ритуалов, давний приятель Чжоу Маань, поспешно подал голос:

— Государь, за годы в Лянцзяне Чжоу Маань зарекомендовал себя исправным чиновником. Если он осмелился просить Ваше Величество прислать уполномоченного для расследования, значит, дело здесь непростое. Умоляем Государя успокоиться и прежде всего послать кого-то утешить народ Лянцзяна.

Услышав это, Император едва сдержался, чтобы не спуститься с трона и не пнуть болвана сапогом. Он не позволил себе такого неприличия — только гаркнул:

— Ты сидишь в столице и смеешь рассуждать, что творится в Цзяннане?! Кто дал тебе право открывать за него рот?! А вдруг он и впрямь виновен — ты готов вместе с ним на плаху?!

Помощник министра опустился на колени, лицо его побледнело. Но Государь уже не слушал — он обрушился на весь двор разом. Его слова хлестали, как плеть.

Выбравившись, Государь почувствовал, что боль в груди всё равно не унялась. Он несколько раз прошёлся перед тронном взад-вперёд, потом ткнул пальцем в склонённую голову Министра доходов:

— Министерство доходов! Сколько ежегодно отпускается на содержание речных дамб в Лянцзяне?

Министр доходов внутренне сжался, едва услышал своё ведомство. Ему в последнее время явно не везло: Государь выдёргивал его то и дело. Однако на прямой вопрос ответить было необходимо. Он выполз на середину зала и, не поднимая головы, доложил:

— Государь, дамба Пухэ протянулась на несколько десятков ли и служит главной защитой от

паводков в Лянцзяне. В обычный год на её поддержание отпускается не менее пятисот тысяч лянов, в год бедствий — вдвое больше, а то и больше.

— Была ли задержана хоть одна монета? — ледяным голосом спросил Государь.

У Министра доходов холодом схватило шею. Государь подозревает, что деньги осели в чужих карманах. Вспомнив участь Ли Чжуна, министр принялся отбивать поклоны:

— Государь, каждая монета, покидающая Министерство, сверяется по счетам — сначала нашими людьми, затем снова при передаче. Умоляем Государя расследовать!

— Я не верю, что эти деньги шли на дамбу, — иначе такого бы не случилось! — отчеканил Государь. — Ты говоришь, что в твоём ведомстве всё чисто — значит, сбой произошёл где-то между столицей и местом. Я отпускаю на Лянцзян по миллиону лянов в год, а дамба рвётся в промежутке между весенним и летним паводком — до осенних вод ещё далеко! Ты говоришь — Министерство не виновато, Чжоу Маань говорит — он не виноват. Так кто же виноват? Мы?! Это из ряда вон выходит!

— Не смеем, Государь, простите нас! — единым голосом грянул весь двор.

Государь холодно обвёл взглядом колени и склонённые затылки. Министр доходов понимал: пока правда не выяснена, всё, что связано с деньгами, так или иначе ляжет на него.

Он сглотнул, поднял голову и, пересиливая себя, произнёс:

— Государь, гнев Ваш справедлив. Но паводок в Цзяннане и мор распространяются с каждым часом. Если не взять это под контроль, если торговцы продолжат скупать зерно и взвинчивать цены — толпы беглецов хлынут во все стороны. Если болезнь перекинется на соседние области, беды не оберёшься. Прежде всего нужно немедленно послать людей в Цзяннань — подавить мор, успокоить народ, выделить средства. Это не терпит отлагательств.

Сановники дружно поддержали.

Государь знал, что министр прав. В груди у него полыхало — появись сейчас Генерал-губернатор Чжоу Маань перед его глазами, он бы живьём содрал с него кожу.

Резко опустившись на трон, Государь произнёс:

— Позвать Хан Сизня.

Хан Чжо вскинул голову:

— Государь, боюсь, это неуместно.

— Уместно или нет — объясни, — сдерживаясь, сказал Государь.

Хан Чжо быстро собрался с мыслями:

— Государь, Префект Лянцзяна Хан Пин — родной брат вашего слуги, родной дядя Хан Сиэня. Уже одно это требует отвода. К тому же, хоть Хан Сиэнь и носит титул Наследника, здоровье его давно подводило — дальние поездки ему всегда давались с трудом. Конечно, коль Государь доверяет, он должен отдать этому всё, вплоть до жизни, — но путь в Цзяннань неблизкий, потеря времени может дорого обойтись народу. Да и своевольство сына моего вам ведомо — как такому человеку доверить подобное дело?

— Любопытно. — Государь выслушал его и чуть качнул головой. — Мы придерживаемся противоположного мнения. Хан Сиэнь смел и осмотрителен. Лекарь Чжоу последние дни наблюдает за ним и докладывает: здоровье пошло на поправку. Что до своевольства — уверены, Хань-ай-цин, на этот раз он не осмелится.

<http://bllate.org/book/20088/2002001>